

Олдридж Джеймс

Не хочу, чтобы он умирал

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-3
ББК 84

Олдридж Джеймс

Не хочу, чтобы он умирал / Олдридж Джеймс – М.: Книга по Требованию, 2011. – 128 с.

ISBN 978-5-458-03303-9

Вокруг не было ни души, как мы и ожидали. Отряды лежали в отведенных им укрытиях. Появился тот, кого нам нужно было убрать, и в него полетели пули... Я вернулся домой и повалился на кровать; голова моя была как в огне, сердце сжималось от угрызений совести. В ушах все еще звучали крики, стоны и мольбы о помощи... Я сказал себе в смятении: вот мы мечтаем о величии нации. А что важнее – чтобы ушел тот, кого не должно быть, или появился тот, кто должен прийти?.. И вдруг я воскликнул помимо воли: «Не хочу, чтобы он умирал!..»

ISBN 978-5-458-03303-9

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Джеймс Олдридж
НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ОН
УМИРАЛ

Вокруг не было ни души, как мы и ожидали. Отряды лежали в отведенных им укрытиях. Появился тот, кого нам нужно было убрать, и в него полетели пули...

Я вернулся домой и повалился на кровать; голова моя была как в огне, сердце сжималось от угрызений совести. В ушах все еще звучали крики, стоны и мольбы о помощи... Я сказал себе в смятении: вот мы мечтаем о величии нации. А что важнее — чтобы ушел тот, кого не должно быть, или появился тот, кто должен прийти?..

И вдруг я воскликнул помимо воли: «Не хочу, чтобы он умирал!..»

Гамаль Абдель Насер «Философия революции».

Часть первая

«В жизни...»

1

— Сержант Сэндерс!

— Слушаю, сэр.

— Вы позвонили ветеринару? Как там мой сеттер?

У сержанта Сэндерса было богомольное, но не лишенное солдатской хитрецы лицо.

— Никак нет, сэр. Еще не звонил.

— Позвоните, пока он не отправился куда-нибудь пьянствовать. После одиннадцати этого грека уже не сыщешь, а мне надо знать, сколько у Шейлы родилось щенят. Негодяю не грех бы и самому позвонить. Можно подумать, что он на другом конце Африки, а не на другом конце города. Надо было мне поручить это дело нашему ветеринару или Обществу покровительства животным.

— Так точно, сэр.

У ног полковника Пикока шевельнулся сеттер. Пикок ткнул его носком замшевого сапога:

— Больно у тебя самодовольный вид, старина! Лежишь себе как ни в чем не бывало.

Питер лениво взмахнул белым шелковистым хвостом, и сержант Сэндерс с отвращением увидел, что этот хвост задел его черные начищенные сапоги, — сержант боялся блох.

— Разрешите идти, сэр?

— Идите, — сказал полковник.

Сержант Сэндерс направился к выходу из отгороженной картонной перегородкой комнаты, прихватив по дороге приказы о передислокации и выдаче денежного довольствия. Но тут полковник вспомнил:

— Разве сегодня на утро ничего больше не было назначено?

— Капитан Скотт, сэр. — Сержант произнес это имя, словно оправдываясь («Чем же я виноват, сэр?»).

— А-а, «трубопрокатчик»!.. — благодушно сказал Пикок. — Зови его.

— Да он уже ушел. Вы назначили ему на десять. Он прождал четверть часа и ушел. Я тут ни при чем, сэр! Я ему говорил, что вы вот-вот будете.

Пикок засмеялся:

— Не беда, Сэндерс. А он что сказал?

— Ничего, сэр. Ни единого слова.

Полковник Пикок кивнул. Ему было хорошо знакомо это немногословие. Он ощущал его и сейчас, на расстоянии, — это каменное, немое молчание.

Пикок поглядел на коричневую перегородку, которая отделяла в этой пригородной вилле кабинет начальника от комнаты сержанта и архива, и почувствовал угрызения совести.

Его кабинету не хватало солидности реквизированных помещений главного штаба. Тут тоже был штаб, но штаб дорожно-топографического отряда, который составлял карты и действовал в неразведанных пустынях Северной Африки до

самого Триполи, размечал трассы и вел наблюдение за ними по всей Киренаике и пустыням Ливии, и не столько на территории, занятой англичанами, сколько на западе, где были немцы. Отряд не входил в состав регулярной армии и даже в Каире не подчинялся распорядку, установленному для управления военно-топографической службы в Набитате. Приятно было оградить этими стенами свою независимость от армии, но когда Пикок вспомнил о Скотте, комната вдруг показалась ему ловушкой.

Однако если Пикок и почувствовал некоторую неловкость, он не отдал себе в этом отчета. Он был безукоризненно одет, он был молод. Этот гвардеец не знал, что такое сомнения. Мысль о Скотте угнетала его недолго.

— Так вот как он собирается себя вести! — сказал Пикок. Потом добавил уже осторожнее: — Разыщите, сержант, по телефону капитана Скотта и скажите ему, чтобы он пришел. Скажите...

— Не трудитесь, — послышалось из-за картонной перегородки. — Я здесь.

— О! Ну входите, входите! — И добавил, когда капитан Скотт появился в дверях: — Ничуть бы не удивился, если бы вы сбежали назад в пустыню.

— Да нет, я здесь.

— Вы как всегда там, где вас меньше всего ожидают, Скотти. Видно, этим вы и берете. Но здесь ведь не пустыня.

Полковник ждал, что Скотт ответит ему колкостью. Но Скотт промолчал.

— Сержант, выясните, что с Шейлой. Мне надо знать, как там ее щенки. Давайте, Скотт, займемся нашим делом.

Капитан Скотт кивнул, но не произнес ни слова.

Пикок почувствовал, что ему лучше объяснить свое опоздание.

— Видите, я так был занят сегодня с заместителем начальника разведки, что не успел даже взглянуть на свою собаку. Она оценилась, и один только бог знает, что там натворил этот грек-ветеринар. В здешнем климате нельзя разводить английских сеттеров, если не можешь отдавать им все свое время и, так сказать, держать их за ручку, словно даму. И все же...

Скотт молча слушал.

Смазливое лицо Пикока выразило легкое раздражение, но он все же рассмеялся:

— Вы слишком долго жили вдали от людей. Три месяца? Слишком долго, Скотта. Надо было вернуться, когда я посылал за вами в первый раз. Даже отряды дальнего действия и те возвращаются чуть не каждый месяц.

У Скотта, который был крупнее, моложе, жестче, черты лица казались неразличимыми. Его насквозь пропекло солнечными лучами и все светотени словно выжгло. Еще виднелись пересохшие губы, потрескавшиеся в углах рта; под выгоревшими и насупленными бровями прятались воспаленные глаза — слишком много попадало в них песку, слишком часто слепило их солнце. Пустыня состарила и будто стерла его лицо, она иссушила все его тело.

— Знаете, что о вас говорят? — Пикок даже порозовел от удовольствия; теперь, когда этот человек был рядом, его равнодушие переросло в симпатию.

— Кто говорит? — спросил Скотт.

— Говорят, что вас нелегко увидеть, но еще труднее услышать! — Пикок прямо сиял от благодущия. — Вид у вас такой, словно из вас не выжмешь ни единого слова. Нельзя так долго сидеть в песках. У вас выгорят все внутренности.

Да, пойдёмте-ка лучше отсюда! Тут как в застенке. Давайте навестим Шейлу, а по дороге поговорим.

Скотт стал медленно надевать фуражку. Он плотно натягивал ее на голову, словно это был средневековый рыцарский шлем.

Пикок взял кожаный стег и застегнул пояс поверх хорошо пригнанного походного кителя, разглядывая при этом Скотта уже доброжелательнее и с интересом.

— Вы не всегда были таким сухарем, Скотт. Раньше и у вас, бывало, заметишь смешинку. — Пикок знал, когда произошла перемена. — Никак не можете забыть историю в Джало. Я знаю, как вы были привязаны к Пикерингу и своим товарищам по отряду. — Он покачал головой. — И мне все это далось не легко. Да что теперь поделаешь!

— Это верно, — согласился Скотт.

— Вот и хорошо. Рад, что и вы со мной согласны. Мы не можем себе позволить, чтобы эта история вечно стояла между нами. Нравится вам это или нет, но нам придется работать с генералом Черчем, даже если вы и считаете, что у него руки в крови. Ничего у нас не выйдет, если мы не будем ладить друг с другом. А я уж постараюсь, чтобы мы поладили, дайте только забыть прошлое. В ваших же интересах...

— Пойдемте, поглядим на ваших собак, — любезно сказал Скотт, но так и не смог скрыть своего холодка. В улыбке, которая собрала его лицо в самые причудливые складки, не хватало дружелюбия.

«Хамбер» со вздутыми от жары баллонами повез их по душным осенним улицам Каира, где свежестью пахло от одних только английских новобранцев, глазевших на открытую штабную машину, когда она с жалобным стоном отрывала колеса от липкого асфальта. Двое офицеров, сидевших на заднем сидении, не представляли для них никакого интереса.

Сами же офицеры тоже еще не понимали, какой интерес они представляют друг для друга.

— Собаки, — сказал Пикок, глядя на трех щенков, чисто вымытых, жирных, неестественно розовых, как и все новорожденные, но тем не менее мертвых, — собаки не могут доставить вам настоящего удовольствия. Почему-то с ними всегда что-нибудь приключается. То у них глисты, то уши гноятся, а то вдруг... вот это. Мертвые щенки. И чего только я с ними вожусь!

Не он, а Скотт дал, однако, Шейле облизать свою руку. В глазах у собаки был стыд. Но взгляд ее преданно следил за Пикоком, который, брезгливо отступив от нее, задумчиво почесывал затылок рукояткой стека.

— Ей больше нельзя рожать, — сказал грек Митропулос, отгоняя накаленных солнцем мух. Аккуратно завернув каждого щенка в газету и уложив пакетики в проволочную корзину, он приказал мальчишке египтянину ее унести. Потом жестом показал, как что-то ломается. — В области таза, — пояснил он, — у нее какой-то нарост. И понимаете, получилось так... — Он повторил свой жест. — Когда собака тужилась, чтобы освободиться от щенка, она попросту ломала ему хребет... Понимаете, вот так...

— Разве вы не видели, что происходит, когда первый щенок родился мертвым?

— Видел, но что я мог сделать?

— Кесарево сечение. Вы что, не знаете, как делают кесарево сечение?

Митропулос покорно объяснил:

— Я бы погубил вашу собаку. Роды уже начались.

— Ладно, теперь делу не поможешь. Поставьте ее на ноги, но не вздумайте пичкать вашим отвратительным месивом. Даже если это полезно. Оно воняет, а потом и от собаки идет вонь. Если уж так необходимо, давайте ей ослатину.

— Как хотите. Собака ведь ваша.

Пикок расправил Шейле уши, несколько раз провел по ним пальцами, избегая умильных, пристыженных прикосновений языка, произнес: «Что же, ладно», вздохнул и сделал знак Скотту, чтобы тот шел за ним.

— Я словно чувствовал, что дело обернется неладно, — сказал он в дверях.

2

Полковник Пикок представил Скотта генералу Черчу, низенькому, краснолицему военному, у которого, как говорил Скотт, руки были по локоть в крови.

— Вы ведь знаете Скотти, сэр, — веселый голос Пикока казался женственным и каким-то ужасно невоенным в присутствии этого крутого и решительного человека. — Если помните, Скотт был единственным из отряда Пикеринга, кому удалось вернуться назад.

— Помню, — произнес кровавый генерал, властно кивнув головой.

Скотт молча и по всем правилам отдал честь. Руки друг другу они не подали.

— Сюда, — приказал генерал.

Они вошли в комнату, где были развешаны карты. Генерал бросил сержанту:

— Можете идти! — Он отпустил своего адъютанта, сказав, что тот ему больше не нужен. — Вот этот сектор, — показал он Скотту расчерченную по секторам карту Джало-Агейлы.

— Опять какая-то возня вокруг Джало, — весело усмехнулся Пикок.

Скотт кивнул; ему стало противно, когда он увидел карту и услышал название этого места.

— Да, — сказал генерал. — Но на этот раз нам следует быть осторожнее.

— Куда осторожнее! — иронически подтвердил Скотт. Но никто здесь не доискивался скрытого смысла слов.

— Я не стану объяснять вам, зачем все это нужно, — ни на что не обращая внимания, не запнувшись и без всякого выражения произнес генерал. — Вы должны наметить трассу по этой дуге, годную для тяжелых машин, — короткую, безопасную и прямую. Понятно, Скотт?

— Понятно.

— Мы хотим, чтобы вы обозначили дорогу так ясно, чтобы одиночные грузовики могли следовать по ней без проводников. Но ваши опознавательные знаки не должны быть понятны противнику. Так как эта часть пустыни почти на двести миль в глубину занята неприятелем, вам придется найти какие-то объяснения тому, что вы там находитесь. Иначе говоря: если вас обнаружат или захватят в плен, вы должны найти объяснение тому, что вы там делаете. Имейте в виду: обмануть противника нам совершенно необходимо. Понятно?

Скотт кивнул. Он догадывался, что будет дальше.

— Поэтому мы распорядились, чтобы воздушные силы дали нам один «Харрикейн», в котором пока нет особой нужды; он сделает вынужденную посадку где-нибудь в этом районе. А? Что вы сказали?

— Ничего, сэр. — «Харрикейн»? Вон куда загнул. Такого даже Скотт не ожидал.

— У нас есть летчик-француз, знакомый с местностью. По его словам, он сможет добраться пешком до той груды камней, которую выложил Пикеринг, а вы захватите его с собой на обратном пути. Он однажды уже там побывал, действительно совершив вынужденную посадку. Поэтому мы и выбрали его для нашей операции. Теперь он сделает мнимую вынужденную посадку возле нефтяных цистерн в Джало, которые находятся чуть ли не в пятидесяти милях от ближайших путей сообщения. А если немцы вас обнаружат, они решат, что вы направляетесь на поиски «Харрикейна». Тот ведь опустится без всяких повреждений и заслуживает того, чтобы его спасали. Помните, вы ведь когда-то вытащили тот маленький «Лизандер»¹. Самолет, если удастся, надо спасти. Ясно?

— Так точно.

— Конечно, если вы будете осторожны, противник может вас и не заметить. Тем лучше. Если он обнаружит самолет на земле и его уничтожит, ничего не поделаешь, — значит самолет сослужил свою службу, а вы заставили немцев поверить, будто пытаетесь его спасти. Самое важное, это ввести в заблуждение противника. Вы ведь хорошо знаете дорогу, Скотт?

— Да, генерал.

— Поэтому мы и хотим, чтобы эту операцию провели вы. Она выглядит как подготовка еще к одному обходному маневру слева, чтобы зайти во фланг Роммелью. Как в тот раз, когда мы потеряли отряд Пикеринга. На самом деле это не так. Задача тут совсем другая, и мы вам ее объясним, когда задание будет выполнено.

— Это все? — спросил Скотт.

— Нет. Не совсем. Но главное я вам сказал. Вы подчиняетесь лично мне через полковника Пикока. Ваша задача — рассчитать время следования, наметить трассу и отвлечь противника от вашей подлинной цели, делая вид, будто вы тайком направляетесь к месту посадки «Харрикейна». На самом же деле, вы должны просто наметить трассу, по которой смогут следовать наши грузовые машины без проводников. Но противник не должен об этом догадаться. Ясно?

— Так точно.

— Подробнее план операции разработайте с полковником Пикоком. Вопросы есть?

— Конечно, генерал.

— Да, да. Разрешите их с Пикоком. Но и я должен задать вам один вопрос, Скотт.

Генерал первый раз взглянул в глаза Скотту своими голубыми глазами, в которых вдруг мелькнуло нечто вроде угрызений совести. Все-таки он был солдат.

Скотт молчал.

— Что вам скорее всего может угрожать в глубоком тылу противника?

— Почти наверняка его самолеты.

— Отлично. Нам не нужно, чтобы вы привлекли к себе внимание сухопутных патрулей. Мы не хотим, чтобы они рыскали в этом районе. Самолеты нас не очень тревожат.

— Ну да. Куда приятнее, Скотт, если вас прихлопнет немецкий штурмовик. — Пикок все понял, но, добродушно рассмеявшись, сразу же постарался об этом

забыть. А Черч заявил, что предоставляет им самим договориться обо всех подробностях.

— Разве я могу быть уверен, что наши собственные самолеты не нападут на нас, приняв за вражеский патруль? — угрюмо спросил Скотт у Пикока, который мерил шагами свой кабинет.

— Мы предупредим авиацию.

— И вы уверены, что это поможет?

— Конечно. С чего это вы...

— Помните, в тот раз, в Тобруке, когда Олердайс закладывал клейкие бомбы в итальянские «Савойи», а английские самолеты налетели и стали бомбить аэродром? Начальство забыло предупредить наших, и Олердайсу пришлось туго.

— Ну, Скотт, такой случай был только раз. И больше не повторится.

— Почему я знаю?

— Вы, конечно, знать этого не можете. Правда, и вас бомбили наши самолеты. Но зачем вспоминать об этом снова? Разве это не обычный риск, которому подвергаетесь вы и отряды «войск пустыни», когда бродите за спиной у противника? Что-то я не слышал, чтобы вы раньше об этом беспокоились.

— Меня беспокоит, когда ваш брат, выдумывая для нас задания, упускает из виду главное. Пусть меня обстреливают наши самолеты, но тогда, когда в этом повинны мы сами. А сейчас вы требуете, чтобы мы выполнили определенное задание. Прекрасно. Со мной будет трое или четверо моих людей, и мне хотелось бы знать, что вы забудете предусмотреть на этот раз? Я не доверяю вашей распорядительности, или, во всяком случае, не вполне доверяю...

— Вы преувеличиваете, Скотти.

— Ничуть. В пустыне нет ни единого человека, который верил бы тому, что говорят в Каире. Доверься вам — и тебе грозит беда. Особенно, если в дело замешан Черч.

Пикок беспокойно шагнул по комнате, уговаривая Скотта вести себя разумно. Скотт с трудом сдерживал злость.

— Я и так веду себя разумно, — сказал он.

— Да, но вы зря беспокоитесь о том, что должно беспокоить только нас.

Скотт не стал спорить. Пикок был не виноват.

— Не следует подвергать сомнению все, что мы делаем, только потому, что Пикеринг и еще двадцать человек из вашего отряда подорвались на минном поле и виноват, по-вашему, генерал Черч. Вы должны побороть это в себе, Скотти.

— Мне хочется, чтобы все было предусмотрено.

— Может, вам вообще не очень хочется выполнять задание?

Рассеянный взгляд Скотта упал на Пикока:

— Делайте свое дело, а я-то уж выполню, что мне положено.

— Ну и слава богу. Мы, со своей стороны, сделаем все, что надо.

— Давайте уточним детали.

Пикок вздохнул с облегчением:

— Мы договорились с отрядом дальнего действия, чтобы они оставили вам горючее на своих складах. Свяжитесь с ними сами. Весь вопрос в том, что вам надо взять отсюда, из Каира?

— Ничего. Все, что нам надо, есть в Сиве. Разве только вы нам подкинете

несколько новых теодолитов и парочку хронометров. Сойдут и хорошие карманные часы с большим циферблатом.

— И это все?

— Вы говорите, что с нами поедет наш летчик?

— Да. Он попытается пригнать самолет назад.

— Почему бы нам не подобрать по пути французского летчика и не поручить ему пригнать машину назад? Зачем нужен еще один летчик?

— Затем, что так решило начальство, — пояснил Пикок скучающим тоном.

— Что за страсть у Черча все усложнять?

— Понятия не имею. А вам-то какое дело, Скотти? Черч желает, чтобы только избранные знали о вашем задании. Он не хочет посылать с вами француза; тот не должен знать, чем вы занимаетесь. Слухи могут дойти до ушей противника. Французу приказано посадить свой самолет в пункте «А», а потом дойти пешком до пункта «Б». И все. Он больше ничего не должен знать.

— Почему? Потому, что он француз?

— Да вы же знаете, какие они люди! Je m'en fou!² Не понимают, что такое осторожность.

— Мой штурман — египтянин, а радист — сирийский еврей. Может, Черчу и это не понравится?

— Совсем забыл о Сэме и Атые. Вы не можете без них обойтись?

— Нет.

— А нельзя взять на время парочку ребят из отряда дальнего действия?

— Нет.

— Ну что ж, генерал о них тоже забыл, а я ему напоминать не собираюсь.

— Я напомню ему сам.

— Ради Христа — не надо! Ведь у нас все готово. Зачем же вставлять нам палки в колеса? Вы, видно, и в самом деле не хотите ехать, Скотти.

— Лучше вы меня об этом не спрашивайте, — сказал Скотт.

— Приходится. Больно вы желчный стали. Слишком долго сидели в пустыне. После этой операции вам непременно нужно подольше побыть на людях. И принять повышение, предложенное вам Черчем после гибели Пикеринга. Если бы вы захотели, вас давно назначили бы на тот пост, который он занимал...

— В награду за то, что я его пережил?

— Так вы никогда этого и не простите, а, Скотти?

— Я этого не забуду, — ответил Скотт спокойно и без всякого выражения.

— Ладно... Важно, чтобы задание было выполнено. А вы единственный человек, который может это сделать как надо.

— Оно будет выполнено. Но когда я с ним разделаюсь, оставьте меня в Сиве или где-нибудь еще подальше. Мне не хочется сюда возвращаться. Я чувствую себя там куда лучше.

Пикок пожал плечами:

— Дело ваше. Но у вас такой вид, будто вам здорово досталось.

Скотт кивнул:

— Мне и в самом деле здорово досталось.

Скотт был крепыш, невысокого роста. Казалось, весь он точно сбит из одних мускулов; плотник, сколотивший его, видно работал на совесть. Да и тот, кто вколачивал мозги в его черепную коробку, не пожалел материала. Поэтому, когда

он говорил о себе что-нибудь жалостливое, это звучало шуткой и только веселило Пикокка. Посмеявшись, Пикок принялся обсуждать с ним детали операции.

3

Командир бригады Пелхэм Пикеринг был мертв уже почти целый год. И чем дольше он был мертв, тем больше о нем говорили. Его жена, молодая и такая цветущая, словно она всю жизнь прожила в деревне, по-прежнему занимала ту же квартиру в Замалеке³, — на зеленом островке, заросшем магнолиями и акациями. Дом был современный, белый и такой чистый, что вполне годился бы под частную лечебницу; там было тепло зимой и прохладно летом. В доме работал лифт; квартира была обставлена скупой, и в ней всегда царил чинный порядок. От неопрятного, неряшливого Пикеринга в ней не осталось и следа. Память о нем была слишком дорога жене, чтобы она позволила загромождать ею квартиру как попало.

Люсиль Пикеринг была очень женственна. Жизнь в Каире не сделала ее рыхлой, как других хорошеньких англичанок; она казалась очень молодой и непреклонно верила в правоту своих взглядов. Да ей теперь и приходилось верить только себе одной. Когда Пикеринг погиб, люди думали, что она никогда не оправится от постигшего ее удара. Неделю ее никто не видел: она провела эти дни у себя взаперти, перестрадала то, что ей суждено было перестрадать, одна, без свидетелей. Люди знали, что она привела свое жилье в порядок, спрятала все вещи покойного, приняла ванну, поплакала, научила прислуживавшего ей на кухне мальчика Абду гладить блузки лучше, чем это делали в местных прачечных. А потом появилась на свет божий, словно ничего и не произошло.

И жизнь ее пошла, словно ничего не случилось. Потекла своим привычным ходом. Глаза у вдовы Пикеринга были ясные, синие. Она гордилась своим самообладанием. Но ей так хотелось вернуть утраченное счастье, ибо кто лучше нее знал, что она рождена быть счастливой?

— Скотти! — воскликнула она, когда он вошел, и поцеловала его в щеку. — Я укладываю Джоанну спать. Если хотите, можете рассказать ей сказку.

Он знал, что Люси делает это нарочно. Ей хотелось заставить его сблизиться с людьми, хотя бы с маленькой Джоанной, чтобы он преодолел свою робость, свою нелюдимость, свою скованность и немоту.

Джоанне было пять лет. Другая дочь, восьмилетняя Эстер, училась в Палестине. Люси была настоящей женщиной, но Скотту казалось, что она еще недостаточно остепенилась, чтобы быть матерью восьмилетней дочки, Тело ее еще не насытилось материнством.

Люси дала Скотту синюю бумажную пижаму Джоанны. Скотт неловко нагнулся к серьезно глядевшей на него девчужке, чтобы натянуть через ее белокурую головку кофточку и надеть штанишки на пухлые, упитанные ножки. Он посмотрел на ребенка. Девочка не сводила с него глаз: она не привыкла к таким застенчивым незнакомцам, но, как и мать, знала, как с ними обходиться.

— Сколько тебе лет? — спросила она.

Скотт не умел держать себя с детьми просто и непринужденно.

— Не знаю, — сказал он серьезно. — А что?

Мать вызволила его из беды.

— Скотти уже скоро десять, — сказала она. — Он только выглядит старше.